

НАШ НОБЕЛЕВСКИЙ ЛАУРЕАТ

Елена Черенкова об отце

Павел Алексеевич родился в 1904 г. в семье крестьянина среднего достатка Алексея Егоровича Черенкова в селе Новая Чигла Бобровского уезда Воронежской губернии. Алексей Егорович крестьянствовал, плотничал по найму, торговал в бакалейной лавке, зимой ездил в извоз. Мать Павла Алексеевича Мария Павловна умерла через два года после его рождения, оставив троих малолеток, и Алексей Егорович снова женился. В семье росло шестеро его детей, из них пятеро – дочери: Варвара, Мария, Клавдия, Надежда, Татьяна. Прослужив в армии в 1914-1917 гг., Алексей Егорович получил чин поручика. Затем вернулся в село.

В 1918-1919 гг. Новая Чигла оказалась в пекле гражданской войны: село восемнадцать раз переходило из рук в руки белых, зеленых, красных. По окончании войны, в 1920 г. из Боброва в Новую Чиглу перевели гимназию, и она открылась здесь как школа второй ступени. Одноклассница Анна Разумовская-Голова вспоминала, что отец в те годы ходил в косоворотке, сидел на задней парте (как все мальчики), часто улыбался, с удовольствием помогал ученикам по математике. Учился хорошо. Учитель Сергей Григорьевич Графский обещал ему большое будущее. В эти молодые годы Павел Алексеевич книги предпочитал танцам. По словам сестры Варвары Алексеевны, из троих старших детей Варя и Маруся по вечерам уходили на танцы, а Паша всегда оставался дома, читал. Вообще его часто можно было видеть с книгой. Последние два года учебы отец подрабатывал счетоводом. Закончил школу он в 1924 г.

В том же году Павел Алексеевич поступил в Воронежский университет на физико-техническое отделение педагогического факультета. Это событие, как говорил он сам, было для него, конечно, самым ярким воспоминанием тех лет и прорывом первой оболочки во внешний мир из той прежней жизни, о которой ему писала одноклассница Лена: «На днях была в Боброве... Была в театре два раза. Там везде заметна жизнь, движение, а у нас здесь точно болото поглотило свою жертву и кончено... Иногда бывает такое состояние, что готова бежать отсюда куда глаза глядят... Хоть бы уехать в какой-нибудь маленький город».

В материальном отношении учиться было очень трудно, как вспоминал Павел Алексеевич. Подрабатывал частными уроками, разгрузкой вагонов, на летних и зимних каникулах - счетоводом на новочигольской мельнице, на практике по теплотехнике. Интересным событием того времени было участие в переписи населения в декабре 1926 г. В студенческие годы отец с группой однокурсников питались, объединившись в небольшую коммуны. Павел Алексеевич был в ней кассиром как самый аккуратный, четкий и хозяйственный человек.

Надо сказать, что в те годы Воронежский университет был одним из сильнейших вузов страны. Он образовался в 1918 г. на основе преподавательского состава и материальной базы (архивов, библиотеки, коллекций) старинного Юрьевского (Дерпт, Тарту) университета, разделившегося после вступления немецкой армии в этот город в марте восемнадцатого года. В нем преподавали профессора с мировым именем, такие как филолог М.Н. Крашенинников, биологи К.К. Сент-Илер, Б.М. Козо-Полянский, медик Н.Н. Бурденко. К числу ярких личностей относился и преподаватель математики Николай Петрович Самбинкин, общение с которым в студенческие годы на моего отца произвело особенно глубокое впечатление. Самбинкин один в университете вёл все математические дисциплины, свободно владел иностранными языками, был весел и шутлив, играл в студенческих театрах, писал стихи, в том числе написал не одну шутливую поэму о жизни Воронежского университета. Студенты переписывали произведения Самбинкина от руки, и таким образом поэмы имели широкое хождение. Была известна студентам и «Речь старого профессора математики, обращенная к молодым математикам, окончившим университет», написанная Николаем Петровичем в прозе. Это - шутливое напутствие профессора, где отценки будущих возможных жиз-

ненных ситуаций и поворотов судьбы описаны в математических терминах. Лекции Самбинкина были настолько увлекательны, что послушать их приходили студенты других отделений и факультетов.

После окончания университета в октябре 1928 г. отец был направлен в Козлов (Мичуринск) преподавать математику и физику в школе. Деревенская жизнь была существенно труднее городской, поэтому Павел Алексеевич забрал из Новой Чиглы к себе в город самую младшую пятнадцатилетнюю сестру Татьяну. Татьяна Алексеевна проживала с братом несколько лет, сначала - в Козлове, затем - в Ленинграде. В дальнейшем она смогла получить городскую профессию, проработала библиотекарем всю жизнь. В конце зимы 1930 г. в Козлов приехала работать в школу выпускница отделения русского языка и литературы педфака Воронежского университета Мария Алексеевна Путинцева. В первый же день приезда поински пристанища (по записке однокурсников) привели ее в комнату, которую снимали учителя-выпускники ВГУ, в том числе Павел Алексеевич. Эта встреча сделала Марию Алексеевну и Павла Алексеевича спутниками на всю жизнь.

Мама была дочерью Алексея Михайловича Путинцева - профессора-филолога Воронежского университета, основателя литературного музея И.С. Никитина в Воронеже, и Марии Михайловны Путинцевой (Борейша), преподававшей в университете иностранные языки.

Однажды Павел Алексеевич прочитал в козловской газете объявление

« В студенческие годы отец с группой однокурсников питались, объединившись в небольшую коммуны. Павел Алексеевич был в ней кассиром как самый аккуратный, четкий и хозяйственный человек. »

о наборе в аспирантуру Академии наук в Ленинграде (Петербурге). Он написал в Академию, получил приглашение на экзамены

В 1933 г. Павел Алексеевич был переведен на основное отделение аспирантуры и закончил ее защитой в мае 1935 г. диссертации на тему «Люминесценция растворов ураниловых солей под действием гамма-лучей».

В опытах Павла Алексеевича 1932-1934 гг. основной научной целью было изучение люминесценции. С.И. Вавилов в отчете за 1934 год о работе Физического института написал: «П.А. Черенковым в 1934 г. было закончено предварительное исследование свечения чистых жидкостей под Действием гамма-радиации. Было выяснено влияние на интенсивность этого свечения примесей разного рода тушителей. Проведена серия опытов по выяснению поляризации. Теоретическое истолкование явления как свечения при торможении комптоновских электронов дано академиком С.И. Вавиловым». Однако расчеты и дальнейшие опыты показали, что, хотя излучение действительно связано с электронами, оно не является тормозным излучением.

Вавилов попросил Илью Михайловича Франка и Игоря Евгеньевича Тамма (позднее оба - академики) поинтересоваться наблюдавшимся свечением. К 1937 г. они разработали и опублико-

вали теоретическую работу, согласно которой причиной излучения служит движение электрона со сверхсветовой скоростью в среде. Дальнейшие опыты Павла Алексеевича подтвердили эту теорию, и свечение получило название «черенковского излучения».

В феврале 1940 г. по этой теме Павел Алексеевич защитил докторскую диссертацию. В 1946 г. С.И. Вавилов, И.Е. Тамм, И.М. Франк и П.А. Черенков за проделанную работу получили Сталинскую премию, позже переименованную в Государственную. В 1958 г. Тамму, Франку и Черенкову была присуждена Нобелевская премия «за открытие и объяснение эффекта Черенкова».

Присуждение Нобелевской премии только трем здравствующим ученым объясняется завещанием Альфреда Нобеля: его премии должны служить помощью ученым, продолжающим работать. К этому времени С.И. Вавилова не было в живых.

Воспоминания Е.П.Черенковой, дочери ученого, «Павел Алексеевич Черенков: Человек и открытие» И. «Наука» 1999 г.

1930-й год Пашу приняли в аспирантуру, он получил место в аспирантском общежитии на Петрозаводской улице. Как часто бывает в жизни, успех,

удача идут рядом с бедой. В семье Маруси был арестован ее отец, Алексей Михайлович Путинцев, профессор, литературовед, краевед, читавший на литературном отделении Воронежского университета курс истории русской литературы. Начались нескончаемые хождения по мукам, которые так хорошо известны многим нашим современникам, имевшим дело с учреждениями НКВД: следствие, ожидание приговора, решение судьбы «преступника». Дело воронежских краеведов, по которому привлекался А.М. Путинцев, тянулось долго. (Когда, по прошествии нескольких лет, его дочь пыталась узнать у него обстоятельства хода процесса тех лет, отец отказывался отвечать. «Я это пережил», — говорил он.) Паша начал хлопотать об отдельной комнате, понимая, что по окончании процесса надо постараться скорее вывезти жену и ее мать из Воронежа. Оставаться в этом городе было невозможно после того, что произошло.

Новый 1931-й год мы встречали небольшой компанией, но Марусе еще не удалось вырваться из Воронежа — процесс краеведов в то время не был завершен. Паша был один. Помню, что он поставил около своего прибора вторую рюмку, налил в нее вина — это была рюмка для его Маруси, о которой он думал в ту новогоднюю ночь. Сохранилась чудесная, хотя и не совершенная фотография, сделанная одним из гостей: мы все такие веселые, молодые, полные надежд! И очень хорошо на фотографии вышел Павел Алексеевич.

Впереди было много забот. Времена были трудные, непредсказуемые... Кто мог предвидеть, как поведет себя администрация общежития, когда пойдет разговор о членах семьи аспиранта Черенкова? Было о чем задуматься уже тогда, в начале 30-х годов. Но думаю, что Паше везло на порядочных людей, и, если эти вопросы кто-то и поднимал или ими интересовался, им ходу не давали. В Физическом институте под руководством С.И. Вавилова «климат», надо полагать, был особо благополучный. О своих заботах Паша никогда не говорил.

Следствие по делу А.М. Путинцева закончилось. По приговору он был направлен на строительство Беломорско-Балтийского канала. Измученного тюремным заключением, тяжелыми допросами его отправили в лагерь. Материальное положение семьи П.А. и М.А. Черенковых было нелегкое. Аспирантская стипендия. Жена ждала ребенка. Ее мать, Мария Михайловна Путинцева, как жена репрессированного, не имела никаких средств.

Друзья делились хлебным пайком. Мария Михайловна сушила сухари и посылала посылки мужу в Свирьлаг, а после его возвращения из лагеря уехала с ним в Смоленск. Бедные старики, оторванные от любимой дочери, жили в тяжелых материальных и бытовых условиях. Алексей Михайлович скончался в Тамбове в 1937 г.

Но жизнь шла. Черенковы переехали в Москву: по решению правительства Академии наук и многие научные институты перевели в «столицу нашей родины».

Я часто бывала в Москве переписывалась с Марией Алексеевной, знала обо всех событиях их жизни.

В 1938 г. мою семью постигло страшное несчастье: арестовали моего отца и мужа, объявили их «врагами народа». Известно, что общение с родственниками репрессированных рассматривалось как явление сугубо отрицательное. Сколько старинных связей было разорвано! К моему большому счастью, наши отношения с Павлом Алексеевичем и всей его семьей сохранились и никогда не нарушались. Мне приходилось часто бывать в Москве, подавать бесконечные и бесполезные прошения. Я всегда останавливалась у Черенковых на Второй Тверской-Ямской. Они жили тогда сначала в двух, а потом в трех маленьких комнатах. В семье двое детей, старая бабушка - всего пять человек, считая супругов Черенковых. В этой квартире они прожили до 1962 г.

Даже в эти тяжелые времена принимали меня всегда по-родственному, ласково. А ведь повторяю, времена были страшные, и близость с «врагом народа» могла скомпрометировать любого.

Из воспоминаний Веры Константиновны Зажурило, литературоведа – пушкиниста